

Королева

Ю. Шестопалов

Если читатель, прочитав название рассказа, ожидает сразу увидеть выход на сцену королевы, то нам придётся его немного разочаровать. Просто выход королевы надо подготовить. Такие персонажи никогда не показываются первыми, и тем более в одиночестве. Они предстают перед нами обычно со свитой, а их появление - по законам жанра - сопровождается прологом. Но во всём остальном перед вами предстанет обычная, но в чём-то всё равно уникальная история. Как, впрочем, любая история - ведь все люди разные, и жизненные нити каждого из нас плетут свои узоры. Как нет одинаковых снежинок, так нет и судеб-близнецов.

В нашем повествовании совсем немного выдуманых событий, чему причина авторское кредо. Я давно путешествую по белому свету – и во времени, и в пространстве, - причём без особой спешки, присматриваясь, потому что суть не в том, чтобы много увидеть, а в том, чтобы глубже понять. И как-то постепенно осознал, что настоящая жизнь гораздо интересней и неизмеримо богаче красками, чем любая выдумка. Просто в суете бегущих дней мы часто не замечаем, насколько изменчива и разноцветна её палитра.

И ещё в нашем рассказе будет аспирант. Я сначала хотел говорить о нём в третьем лице, то есть называть «он» и ввести его в рассказ под каким-нибудь именем. А потом подумал – да что там душой кривить. Ведь на самом деле это было никакое не третье лицо, а я сам, и решил, что так и буду писать: мол, много лет назад, когда я был молод и учился в аспирантуре, произошла вот такая история.

Обычно, когда люди слышат слово «аспирантура», оно сразу настраивает их на серьёзный и немного скучный лад. Представляются напряженные учёные занятия, головоломные формулы, постоянная работа мысли и даже некоторая отрешённость. Но в моём случае никаких особенных атрибутов учёности не замечалось. Отрешённости не было точно. Скорее наоборот - окружающая жизнь всегда интересовала меня. Не то чтобы я любил совать нос в соседские дела, но просто увлекался жизнью как таковой, во всех её проявлениях, и мне было одинаково занимательно её наблюдать и в ней участвовать. Да и жил в таком месте, где аспиранты обычно не появляются - уж очень они инородная субстанция. Я же, напротив, вполне вписался в обстановку, и меня все считали за своего.

Вы спросите, что же это за место? С удовольствием отвечу. Ведь удовлетворять здоровую любознательность читателя – обязанность автора. Но только здоровую. Всё хорошо в меру, и для гармонии с окружающим миром не все следует выставлять напоказ.

Да, так вот - о месте. Жил я на окраине Нахабино - небольшого городка в Подмосковье, скорее поселка, километрах в тридцати от Москвы, в небольшом двухэтажном общежитии для семейных железнодорожников. Правда, не все обитатели были семейные, и я в том числе. Место, откровенно говоря, было глухое. Часть поселка, где я обретался, состояла из узких улиц с небольшими частными домами. Более добротные и солидные - из бруса, остальные - рубленые или засыпные. Изредка попадались новые дома из красного или рыжеватого кирпича, обращавшие на себя внимание среди спокойных, неброских красок остальных строений.

Палисадники перед домами заросли кустами, и к концу лета и осенью нарядно раскрашивались ярко-оранжевыми гроздьями рябины, красными ягодами калины и кистями темно-вишневых, почти черных, ягод черемухи. зубчатые листики вездесущих кленов обрамляли это зеленое буйство, где хозяева пустили размножение своей приусадебной флоры на самотек.

Позади у многих росли яблони и груши. Обилие растительности создавало почти сельскую обстановку, подкрепляемую кудахтаньем кур, гусиным гоготанием и редким блеянием коз.

Наша полудеревенская окраина отделялась от основного посёлка магистральной железной дорогой рижского направления. По рельсам, холодно поблескивающим отполированной колесами

сталью, проносились мимо поезда – шумные, стремительные и всегда какие-то мимолетные, даже если проходил товарняк. За железной дорогой шла другая, уже городская жизнь. Вдоль широких улиц ровными рядами росли небольшие деревья, за которыми высились пятиэтажные дома из светлого силикатного кирпича. Место казалось скучным и казенным.

С одной стороны общежития, вплотную придвинувшись к железной дороге, находилось железнодорожное депо для пригородных поездов. Длинный производственный корпус, когда-то выкрашенный в синий цвет, теперь основательно поблекший, солидно возвышался над местностью. Депо было огорожено высоким бетонным забором, создавая ощущение закрытости и недоступности протекающей за ним какой-то особой железнодорожной жизни, воспринимаемой снаружи только как гудки электропоездов, металлические звуки поскрипывающих при движении по рельсам вагонов и частые, торопливые и невнятные, объявления диспетчера, эхом перекликающиеся одновременно из разных частей депо.

С другой стороны общежития, через пустырь напротив, стояли в ряд несколько давно построенных частных домиков, спрятанных в листве привольно разросшихся возле них кленов и тополей. За домами было небольшое, укромное старое кладбище, закрытое зеленью кустов и высокими пышными деревьями, о существовании которого трудно было догадаться из-за густых зарослей. Асфальтированная, в колдобинах дорога начиналась от высоких, темно-зеленых железных ворот депо и шла мимо общежития, кладбища, и в конце упиралась в Волоколамское шоссе.

В стороне от дороги, за общежитием, в линейку стояли два пятиэтажных дома, а потом начинался спуск в овраг, перегороженный плотиной, за которым приютилась маленькая деревушка со сладким названием Малиновка, вытянувшись вдоль склона в сторону Волоколамского шоссе. Открытые, вытопанные посередине домашним скотом и птицей деревенские дворы, отделенные друг от друга жердяными заборами, как будто в какой-то момент призадумались, спускаться ли им дальше по склону, да так и остались стоять, открытые для всеобщего обозрения с противоположной стороны оврага.

Скорее всего, вам интересно узнать, что привело меня в это уединенное место. Комната в общежитии принадлежала моему товарищу, который играл в регби за команду высшей лиги «Локомотив», но потом его забрали в армию, строить БАМ, а я перебрался на его место. Можно было поселиться в институтском общежитии, но не хотелось – поднадоели временность положения и студенческая суэта.

В Нахабино жизнь текла размеренней и спокойней, но в своей сердцевине она всё равно оставалось бесприютной. Я уже давно, сразу после школы, проживал один, и привык обходиться малым, хотя догадывался, что есть и другая жизнь, в которой и душе уютнее, и быт налажен. Но когда ты молод и кажется, что все ещё впереди, то такое положение «перекати-поля» особо не угнетает – надежды закрывают глаза на многие неудобства. Иногда прорежется осознание «легковесности» своего студенческого статуса - как бы увидишь себя и свою неустроенную жизнь со стороны, - но вскоре ненадолго пришедшее прозрение и уходит. Что-то существенно поменять - сложно, и лучше просто не думать об этом.

Для занятий наукой место подходило идеально - глухомань, больше там делать было нечего. Ещё я состоял в сборной спортивного общества «Труд» по академической гребле, и первые два года аспирантуры на деле больше греб, чем предавался научным занятиям. Тренировались интенсивно - при гребле работают девяносто пять процентов мышц, и тренеры заботились о каждой из них.

Мы много занимались тяжелой атлетикой - когда поднимая максимальный вес, когда развивая скоростную выносливость, работая со средними весами. Периодически тренеры устраивали тесты, что всегда вносило оживление в наши тренировочные будни и воспринималось почти как развлечение. В такие тренировки в спортзале царило приподнятое, отчасти даже праздничное настроение. Кто сколько поднял, все на виду. Спортсмены соревнуются друг с другом, стараются

перекрыть свои прежние рекорды. Штанга тяжело ухает на помост, железо звенит! Парни здоровые, веса на штанге немалые, хорошо за сто килограммов в каждом движении. Слышны оживленные комментарии, обмен мнениями. После тренировки спортсмены, подтрунивая друг над другом, вспоминают забавные моменты: кто-то, желая поднять вес побольше, не приседал до конца, как требовалось; другой, не удержав равновесия, бросил с высоты штангу на помост, произведя невероятный грохот.

Ещё мы регулярно бегали кроссы, иногда километров по тридцать, после чего обычно ещё часа полтора играли в футбол, но это уже считалось отдыхом, в свое удовольствие, хотя футбольные баталии были жаркие и бескомпромиссные - народ очень быстро увлекался.

Зимой добавлялись лыжные гонки. Чаще - на своей спортивной базе в Серебряном Бору, но нередко выезжали и в другие места – в район Красногорска, в Мытищи, где на хорошо оборудованных лыжных трассах соревновались с другими спортсменами – и гребцами, и лыжниками.

Люблю я все-таки лыжи!

Техника была, и тренировочная зима для меня проходила в каком-то веселом калейдоскопе самых разных лыжных маршрутов – от открытых равнинных, до сплошных крутых подъемов и спусков среди хвойных и смешанных подмосковных лесов, волшебного украшенных искристой, игольчатой изморозью. Но далеко не все разделяли мое пристрастие к лыжным гонкам, так что эти тренировки часто служили поводом к добродушному ворчанию моих товарищей по команде и источником забавных историй, включая многочасовые ночные блуждания в лесу, когда в снегопаде слишком уверенный в себе лидер уводил группу с лыжни.

На Клязьминском водохранилище, куда команда иногда выезжала, при виде заросших берегов возникали знакомые, полузабытые с детства ощущения, немалая часть которого прошла в лодке отца на Иртыше, где мы вылавливали бревна на продажу и для своего отопления, рыбачили, а иногда плавали в магазины за покупками - либо на противоположный правый берег, либо вверх по течению. Казалось, все это было так давно...

Несмотря на спортивные занятия, я все-таки не забывал, что учусь, и находил время для аспирантских дел. Руководствуясь любимой присказкой моего дяди - «курочка по зернышку», - не только удерживался на плаву, но и успешно двигался вперед. Следуя этой народной мудрости, наукой занимался при малейшей возможности, хотя бы и урывками, и в итоге научная работа двигалась совсем неплохо. Для того, чтобы что-то сделать по-человечески, не так нужно время, сколько желание.

Так и шла моя несобытийная жизнь, переплетая в себе два дела. Оба увлекали меня, задавая направление движения и наполняя существование смыслом. Хотя, посмотри кто на меня в то время со стороны, внешне увидел бы довольно заурядную картину.

Вне сезона в будние дни мы тренировались в гребном бассейне, на стрелке Москвы-реки и Водоотводного канала, недалеко от Крымского Моста. Начинали рано. Мне, чтобы вовремя добраться, приходилось подниматься пол-шестого. В темноте, по скрипящему снегу, иду на станцию. Несмотря на свежее утро, а то и откровенный, весьма бодрящий морозец, продолжаю спать на ходу. И только полчаса интенсивной гребли в бассейне, где мы гоняли воду в бетонном кольце, окончательно пробуждают меня.

После тренировки часто отправлялся в Ленинскую библиотеку, занимаясь в её высоких и просторных залах до позднего вечера. Потом – поездка в метро, быстрый переход до платформы, ожидание электрички, которая через темноту заснувшего Подмосковья, изредка оповещая о себе протяжным свистом, через полчаса доставляет меня в Нахабино. В пол-шестого - подъём, и цикл повторяется. Иногда сразу еду в Нахабино, и занимаюсь там, обычно до пол-первого ночи, а потом укладываюсь спать и мгновенно впадаю в бесчувственный и глубокий молодой сон. И так дня четыре подряд. Но потом организм восстает против такого издевательства над

свободолюбивой человеческой природой, и требует разнообразия. Ну, а я не противлюсь. В такие дни заканчиваю свои занятия пораньше, часов в пять, и отдыхаю весь вечер. А потом, набравшись снова молодого задора и творческих сил, вхожу, как самолёт в штопор, в очередной свой четырёхдневный цикл, с тем чтобы в последний момент выйти из него, и снова ощутить дыхание жизни и радость её первозданных красок, которые так быстро тускнеют в суете и скоротечье наших дней.

В тот день, пресытившись рутинной жизнью,

организм сказал своё твёрдое «Хорош!» моим занятиям наукой часа в четыре. Я взглянул в окно. Голубело весеннее небо. Лучи послеполуденного солнца щедро, до рези в глазах, освещали площадку перед домом с детской песочницей, газгольдером, и многочисленными столбами с бельевыми верёвками между ними. Дальше, у сараев, стояли в ряд несколько высоких тополей с распускающимися светло-зелеными глянцевыми листочками. И как-то сразу я осознал, что всё, наступила весна.

За окном весело орали во всю глотку дети железнодорожников, да и сами железнодорожники и члены их семей степенно переговаривались, стоя в группах или сидя на лавочке возле детской площадки, и изредка прикрикивая на молодую поросль, если ребятишки начинали проказничать.

Я не почувствовал весны, когда несколько недель назад мы вытаскивали лодки из хранилища, эллинга, и спускали их на воду, поёживаясь от холодного ветра. И как-то мимо меня прошло это чувство, когда каждое утро шёл по подъездному пути на станцию и наступал на замёрзшие за ночь весенние лужицы, а лёд хрустел под ногами, и надо было смотреть, чтобы не раскатиться на шпалах, прихваченных утренним инеем. А ведь в детстве именно хрупкий утренний лёд на лужах был для меня самым первым и, пожалуй, самым радостным весенним признаком – может оттого, что я любил запускать самодельные кораблики, и тонкий утренний лёд означал, что днем здесь зажурчат весенние ручьи.

Все эти признаки весны на сей раз миновали мою душу, обычно чувствительную к переменам в природе, и она вошла в жизнь только сейчас. И сразу все мое существо наполнилось сладким детским ощущением праздника - не календарного, но просто веселостью души, когда хочется беззаботно кричать и радоваться неизвестно чему, ощущая своё молодое и сильное тело и брызжущую из него энергию, бездумное щенячье желание прыгать, бегать, толкаться, может, начать с кем-нибудь бороться от избытка чувств. В таком приподнятом настроении я и в самом деле несколько раз подпрыгнул и постучал ногами по боксёрской перчатке, подвешенной на лыжной палке, прибитой к платяному шкафу. Потом, одевшись по погоде, отправился наверх, на второй этаж к Володе.

По беспечному настроению людей на улице и их количеству в это время дня я догадался, что сегодня - выходной. У меня был свой календарь, привязанный к тренировкам и научной работе, и дни недели в нем хождения не имели. Иногда на этой почве возникали конфликты с внешним миром в виде закрытого машинного зала, когда мне позарез надо было что-то посчитать, и поэтому я не любил выходные – они сбивают с рабочего ритма и привносят в жизнь много других неудобств. Только разгонишься, а тут бац – и воскресенье! И все встает.

Володя, в отличие от меня, имел прямое отношение к железной дороге. Он работал сварщиком шестого, высшего, разряда в строительном отделе Рижской железной дороги. А до этого трудился на разных больших стройках, так что к своим тридцати годам успел поколесить по стране, но не успел обзавестись семьёй. Мы с Володей одного роста, под метр девяносто, и примерно одного веса, немного за девяносто килограмм. Володя жилистый, так что когда глянешь на него, даже непонятно, откуда взяться такому весу. Говорит он степенно, взвешенно, слегка наклоняя свою большую голову с прямыми русыми волосами чуть пепельного оттенка. Лицо у него с несколько аскетическими чертами и нависшими надбровьями, но его оживляет ироничная и добродушная не

то улыбка, не то ухмылка. Володя нормальный парень. Не против выпить, но так его часто можно застать читающим книги, или разучивающим что-то на гитаре, по самоучителю.

Вот и на этот раз, отворив полуприкрытую дверь, выходящую в общий коридор, я увидел его сидящим с гитарой на кровати. Перед ним лежал самоучитель, и Володя старательно перебирал струны, воспроизводя грустную и светлую испанскую мелодию, в которой легко узнавалась песня «Бесаме Мучо».

Я нашёл глазами кухонную табуретку, с нечаянным скрежетом подтянул её по полу под себя, и молча стал слушать его музыкальные упражнения. Хотя спокойная и высокая печаль музыки не совпадала с моим жизнерадостным настроением, её звуки почти сразу проникли в душу и нашли там резонирующие струны.

Володя закончил играть. Затих последний аккорд.

– Вот. Разучиваю, – повернув ко мне голову, с ироничной улыбкой сказал он, как бы немного удивляясь, что его застали за этим занятием.

– А неплохо получается, – ответил я. Меня и в самом деле тронули печальные, на грани надрыва, романтические переливы песни.

– Ну уж!, – степенно и немного смущённо ответил Володя. Но видно было, что похвала ему приятна.

Он отложил гитару и осведомился насчёт моего желания отведать чайку с печеньем. Надорванная пачка печенья «Привет» лежала на слегка захламлённом столе с квадратной столешницей. Стол в зависимости от ситуации использовался как обеденный или рабочий.

Но я решил сразу перейти к делу. Душа моя стремилась из Нахабино.

– Поехали, Володя, в Москву. Может, в кино сходим или ещё куда. Найдём чем заняться. Поедем!

Володя был не из тех, кого надо долго уговаривать. Если он решал, что предложение ему подходит, то начинал действовать сразу. Подняв кверху указательный палец, он спокойно сказал: «Поехали». Поднимаясь, одновременно протянул руку к брюкам, висящим недалеко от кровати. Платяной шкаф у него был, но он предпочитал держать повседневную одежду под рукой, развешанную на гвоздиках, вбитых в стену.

Мы сидим в электричке, а за окном проплывает весеннее Подмоскowie. В воздухе разлита нега тёплого и солнечного дня, дополнительно одухотворённая воскресным настроением. И всё как-то у меня переплетается вместе: и погожий весенний день, и неспешная Володина беседа, повествующая о делах в их строительной организации.

– Я ему говорю, что ты, Ахонин, дурак. Так слушай, что тебе умные люди говорят. Зачем ты там кольца сгрузил? Я же тебе говорил, что выроют канаву, их оттуда не достанешь. Ведь так и случилось! – это Володя продолжает свою историю о том, как недавний выпускник строительного техникума, назначенный прорабом, дал маху, приказав разгрузить бетонные кольца для ливневой канализации в неудобном месте. Володя его предупреждал, но тот, почувствовав себя начальником, счёл за унижение прислушаться к Володиному совету, за что потом все заплатились неделями бессмысленной каторжной работы. Так что понять тёплые чувства Володи к новоиспеченному прорабу можно. Ахонина я знаю, он тоже живет в общежитии. Въедливый, немного и вправду туповатый, но исполнительный и ответственный парень. И говоря «дурак», Володя не пытается его оскорбить, но больше констатирует некоторый недостаток сообразительности.

В таких разговорах проходит вся поездка. Ощущение весны во мне не ослабевает, но мирно уживается с будничной беседой и практическими Володиными рассуждениями.

Вот и платформа «Ленинградская». Под шипение воздушного привода дверей мы покидаем вагон. Недалеко от станции - афиша с названиями фильмов. Наудачу выбираем кинокартину, «Блеф», и отправляемся в «Вымпел», кинотеатр у метро «Бабушкинская».

Перед сеансом в фойе обычная атмосфера и ожидания, когда откроются двери кинозала, и праздничного воскресного настроения. Даже здесь, внутри, весна напоминает о себе веселыми

солнечными бликами, пробирающимися сквозь сводчатые окна, и кусочками высокого, иссиня-голубого неба.

Фойе украшено картинами местных художников, на которых запечатлена спокойная, радующая глаз своей умиротворенностью природа Среднерусской возвышенности в разные времена года - открытые холмы, перелески в низинах, с проглядывающими зеркальцами заводей и русел плавных речек. Зимние пейзажи подчеркивают разнообразные вариации границ открытых заснеженных полей и синееющих на втором плане лесов, с добавлением живописных сельских изб, сараев, покосившихся, занесенных снегом плетней.

Репродукции картин известных художников продолжают тему природы - как они её воспринимали своим артистическим воображением. «Девятый вал» Айвазовского знакомо вызывает ощущение слепой и яростной мощи морской стихии; «Бухта Антиб» Моне затягивает, как воронка, в какой-то сюрреалистический мир, и только отсутствие чётких деталей не дает окончательно перенестись воображением к отрогам фантастической в своем нагромождении горной страны. И все же какое-то смятение, навеянное картиной, беспокойное и щемящее, смешанное с удивлением, ещё некоторое время живет в душе.

Посетители едят мороженое в вафельных стаканчиках, выказывая при этом характер натуры – кто-то торопливо, с хрустом, а кто-то не спеша, смакуя. В медленном потоке, группами и поодиночке, мы все передвигаемся от картины к картине.

После фильма, выйдя из кинотеатра, в потоке зрителей неспешно продвигаемся в нешироком проходе к улице. Недалеко от нас группа девушек, но я не обращаю на них внимания. Володя толкает меня в бок: «Посмотри, интересная картина», – и кивает головой в их сторону. Я некоторое время разглядываю, и вскоре начинаю понимать, что он имеет в виду.

В группе пять–шесть девушек, по виду явно не местных, не москвичек. И все они, несмотря на разный рост, телосложение, и одежду, всё равно смотрятся одинаково. Все, кроме одной. Как–то она выделяется своим спокойно–доброжелательным видом, естественностью и безмятежностью. Всё это нетрудно определить и по её лёгкой походке, и живому лицу, которое мне видно лишь в профиль, и весёлым интонациям голоса, обрывками долетающим до моих ушей.

Хорошая девушка, кто спорит. Володя как будто выдыхает своё впечатление в одном слове, сказанном с долей восхищения, к которому каким–то образом примешались смятение и сожаление. «Королева!..» – и видно, что смутила Вовину душу эта девушка, но так же понятно, что дальше этого ничего никогда не последует. Может, и вспомнит Володя её сегодня вечером, старательно перебирая струны гитары, но так и останется она для него как актриса в кино - недостижимая, словно из другого мира.

Но то Володя. Я же нахожусь в состоянии деятельного возбуждения, когда цель ничто, лишь повод для движения. И я начинаю потихоньку оттеснять со своего пути бывших кинозрителей, прокладывая в толпе дорогу к девушкам, а вернее, к одной девушке, поскольку остальные её спутницы меня в этот момент не интересуют. Поравнявшись с ней, я сумел разглядеть её получше. Надо отдать Володе должное – он в одном слове сумел выразить суть того явления, что предстало моему любопытствующему взору. Именно явления. Такую привлекательную внешность может даровать только природа, которая вдруг ни с того ни с сего расщедрилась, и выдала, как говорят шахтёры, «на гора» по максимуму, с полной отдачей, словно задавшись целью показать, на что она способна.

Описывать красивых девушек занятие неблагодарное, всё равно что–нибудь упустишь или перевернешь, но и не описать в данном случае нельзя, хотя бы примерно, а остальное пусть дополнит ваше воображение. Многие назвали бы её высокой; другие - что она заметно выше среднего. Пожалуй, для такой привлекательной девушки самый подходящий рост. Волосы густые, волнистые; тёмные, но не чёрные, и такие, что напрашивается эпитет «шелковистые». Лицо хорошего человека, открытое и живое, с красивыми правильными чертами, оттененными белизной нежной и здоровой кожи. Хорошо сказал Поэт, и трудно что–то добавить к его «белолица,

черноброва...». Но не меньше обращают на себя внимание её фигура и походка, лёгкая и свободная. Трудно даже решить, что больше притягивает взгляд - лицо или на диво пропорциональная и женственная фигура, со слегка отведёнными назад плечами и гибким девичьим станом. Судя по лицу и голосу, от природы совсем неглупая, скорее даже умная, и сильна она умом практически. Наверное, кто-то разглядел бы больше, но моё первое впечатление сохранилось именно таким.

Я протискиваюсь ближе, чтобы меня заметили, и спрашиваю первое, что приходит в голову: «Меня чрезвычайно интересует Ваше мнение о фильме», – хотя на самом деле, конечно, мне интересен собеседник. Разговор между девушками тут же прекращается, и они, кто открыто, кто с застенчивым любопытством, а кто-то в изумлении, разглядывают меня. «Королева», давайте пока будем называть девушку таким образом, отвечать не торопится, но быстро и внимательно изучает незваного интервьюера. На каких-то внутренних весах, которые у каждого из нас судьба настраивает как ей вздумается, мои действительные или воображаемые достоинства склонили чашу в мою пользу. Она отвечает с лёгкой весёлостью в мелодичном голосе.

– Вы знаете, фильм забавный, но не более того, и кроме игры хороших актёров, особо обсуждать нечего.

Вот это номер! На ходу, мгновенно, придумать такой чёткий и, пожалуй, верный ответ! Извините, девчата, в таком случае мне надо подойти поближе и рассмотреть получше. И я отжимаю в сторону часть её свиты, а она как будто освобождает возле себя немного места, слегка сдвинувшись в сторону, и теперь мы идём рядом. Неподалёку, сзади, я чувствую Володино присутствие. На всякий случай оглядываюсь и вижу, что, действительно, он следует в моём фарватере. На его лице нет и тени ревности, но зато - любопытство, как-то оно пойдёт дальше? А как оно бывает в таких ситуациях? Откровенность на откровенность, ничего не надо изображать из себя, потому что имеешь дело с умным человеком. Даже если бы и возникло желание «пустить пыль в глаза», что, впрочем, мне несвойственно, всё равно быстро раскусят. И я просто говорю, что думаю, инстинктивно чувствуя, что это лучший способ заслужить расположение Королевы.

– Хорошо сформулировано, мне нравится! Очень верно отражает мои смутные ощущения. Не то чтобы пустышка, но как Вы верно подметили, и польститься не на что. А кто из актёров Вам понравился? – и мне действительно интересно узнать её мнение, но больше для того, чтобы понять, с кем имею дело. На сей раз она ненадолго задумывается, и доброжелательно отвечает в той же весело-предупредительной тональности. Я отмечаю, что тембр её голоса, переливающийся как родниковый ручеек, составляет единое целое с её привлекательной внешностью.

– Это хорошая итальянская комедия, в которой главное, это игра актёров, а не сюжет. Актёрский состав ровный, и уровень мастерства высокий. Слишком много гротесковых ситуаций в конце фильма. Не думаю, что он от этого выиграл. А кого выделить из актёров... Челентано, наверное. В некоторых эпизодах он великолепен.

– Вы случайно не кинокритиком работаете? – задаю я глуповатый вопрос, и чтобы как-то сгладить впечатление, поясняю, – Я просто так не мыслю, однако мне тоже кажется, что в конце фильма они переборщили со своим блефом.

– Это лишь мое мнение. Я такой же зритель-любитель, как все остальные, просто некоторые моменты нельзя было не заметить, – Королева двумя предложениями восстановила статус-кво, выровняла наше положение, и переводит разговор в другое русло, перехватывая инициативу.

– А как Вы предпочитаете мыслить? – с шутливыми интонациями спрашивает она. И мелодичный и богатый тембр её голоса как будто добавляет что-то от себя, подсказывая ответ.

Вечером Володя, заведя разговор, скажет о её голосе: «Фортепьяно, а не голос. Концертное фортепьяно». Не знаю, может быть. Поэт, наверное, добавит арфу, но мы в нашем правдивом повествовании ограничимся Володиным наблюдением.

Я отвечаю на её вопрос: «Вы знаете, в какой-то момент я понял, что всегда надо использовать здравый смысл и не кривить душой перед собой, но оказалось, что это совсем непростое дело. Мешают стереотипы, и их много. Потом, недостаток общения с реальной жизнью тоже не

помогает», – я просто говорю, как думаю, не пытаюсь придумать ответ по красивее, и голос звучит откровенно и естественно. Моя открытость щедро вознаграждается.

– Вы правы! Сложно управлять эмоциями и следовать голосу разума. А какого рода препятствия, если не секрет, отделяют Вас от кипучей гущи реальной жизни? – и я ощущаю искренний интерес в вопросе, как он был задан, и отмечаю «кипучей» - это из Маяковского. Но мне неохота объясняться, что я аспирант - по нескольким причинам. Во-первых, это может звучать как хвастовство, а потом, сам я не чувствую себя аспирантом - для меня это временное положение, промежуточный статус, от которого в силу разных обстоятельств мне не удалось отвертеться. И я решил, что лучше помалкивать об этом.

– О, это временное явление. Я делаю своего рода дипломную работу, и приходится много времени проводить в библиотеках и наедине с вычислительными машинами. И то и другое плохая замена живому человеческому общению, – я абсолютно искренен в своём ответе. Но я осветил только одну сторону своего бытия, и это было тут же замечено. И после этого подумал, что, наверное, и «своего рода» было взято на заметку.

Отвечая, Королева немного играет. Впрочем, как и я. Но это отнюдь не словесная дуэль, и даже скорее мы подыгрываем друг другу, стараясь отвечать и задавать вопросы в тон, вместе свивая прочную нить разговора. Так что беседа течёт ровно, без напряжения.

– Ваше студенческое настоящее, как Вы сказали, не вызывает сомнений. Но меня смущает Ваш откровенно спортивный вид, который, согласитесь, трудно приобрести в библиотеках. Нестуденческая внешность Вашего товарища тоже обращает на себя внимание.

Я одновременно впечатлен и несколько озадачен её наблюдательностью.

– Здесь нет никаких тайн и противоречий. Помимо учебы, занимаюсь академической греблей, а это восемь тренировок в неделю. Что касается Володи, то Ваша пронизательность, откровенно говоря, просто поражает. Вы правы - действительно, Володя сварщик, классный сварщик. Свою профессиональную учебу он давно завершил, а сейчас проходит жизненные университеты. Очень хороший парень, кстати, и мы с ним соседи.

Разговаривая в таком ключе, мы двигаемся к метро. Мое первоначальное возбуждение незаметно улеглось. На смену пришло удовольствие общения с умной и красивой девушкой.

Тени от массивных, в несколько этажей каменных зданий как будто затопили неширокую улицу. Сразу заметно похолодало. Приближающийся вечер приглушил синь и высоту безоблачного весеннего неба - в городе весна не такая полновластная хозяйка, как на окраине Нахабино.

Володя завёл беседу с подружками, и его солидные, почти отеческие интонации, привносят в разговор позади нас атмосферу спокойствия и быстро установившегося доверия. Его добродушные шутки воспринимаются благодарной публикой хихиканьем и, похоже, Володя проводит время неплохо.

Мы доходим до станции метро, где он деликатно прерывает наш разговор и, глядя больше на мою спутницу, чем на меня, оповещает о своём желании расстаться с компанией. В конце речи он находит время взглянуть и в мою сторону:

– Ну, счастливо, – напутствует он меня.

– Спасибо, Володя! До вечера!

Он ещё прощается с девчатами, и только потом, обернувшись на ходу, бросает великодушное: «Да не за что!» А вокруг продолжает млеть весенний вечер, с первыми дуновениями вечерней прохлады.

Весь путь прошёл в разговорах, из которых выяснилось, что девушки все иногородние, приехали в Москву работать, и живут в общежитии на Варшавском шоссе, почти у кольцевой дороги, и работают на «ЗИЛе». Но если по виду остальных девчат легко было догадаться, чем они примерно занимаются на заводе, то я как-то плохо представлял, что там может делать Королева.

К тому моменту мы подходили к их общежитию, отстав от остальных девушек.

В обычной жизни Королеву звали Ниной. Мы уже познакомились, и как-то быстро сошлись в открытом стиле общения, что между незнакомыми людьми случается редко. В чём-то мы были родственные души, но в чём именно, я пока не понял. С ней было хорошо и легко, и, судя по её поведению, моё общество её тоже не тяготило. Мы по-прежнему обращались друг к другу на «Вы», но это не мешало. И потому я без особых колебаний задал вопрос.

– Нина, я как-то плохо представляю, чем Вы занимаетесь на ЗИЛе. На каком, так сказать, *поприще* трудитесь?

Она улыбнулась каким-то своим мыслям, и ответила просто: «Я работаю заместителем заведующего заводской столовой. Такое вот моё *поприще*. А до этого работала экономистом и занималась технологическим переоборудованием, в нашей же столовой. Впрочем, последние обязанности остаются, но зато добавились новые».

– А Ваши подружки?

– Это Верины подружки, а с Верой мы вместе живём. Вера и Оля у нас в столовой, а те две девочки в сборочном цехе, – и подождав, шутливо добавила: «Ещё вопросы по работе есть?»

Я спросил, интересно ли работать. Мне почему-то не хотелось услышать, что ей безразлично. Но она ответила, что ей нравится. Заведующий скоро уходит на пенсию, особо не напрягается, так что руководство столовой в основном на ней.

Когда она рассказала, чем занимается, я машинально представил гвалт тесной студенческой столовой в перерыве между занятиями, когда хвост очереди завивается до самого входа, большие кастрюли возле раздачи, которые работницы вдвоем притаскивают с плиты, прихватив полотенцами, кучу грязной посуды на отдельном столе возле мойки и ту шумную и несколько бесшабашную атмосферу, когда в одном месте собирается много молодых парней (в нашем институте девушек было мало). Но потом быстро сообразил, что ЗИЛ, это огромный завод, и там все должно быть посolidней. Так оно и оказалось, когда Нина рассказала, что из себя представляет их предприятие питания. Посетителей у них тысячи, и оборудование самое современное.

Но тут мы подошли к подъезду общежития.

Солнце опускалось за горизонт, распустив небогатое малиновое зарево по холодеющему небу, на котором узкими полосками замерли тёмно-сиреневые закатные облака. Стало прохладно, и несильный ветерок без обиняков давал понять, что весна ещё не лето. Мы немного постояли у высокого крыльца. Она сказала, как её найти и дала свой телефон. Пора было расставаться.

– До свиданья, Нина-Королева, – учтиво, с шутливыми интонациями в голосе сказал я. Она удивлённо подняла брови: «Почему Королева?»

– Это Володя Вас так назвал. Наверное, он монархист в душе.

Она улыбнулась и спросила: «А Вы?»

– А я за братство всех хороших людей и равноправие, но не уравниловку. И я плохо, можно сказать, совсем плохо, отношусь к королям и прочим солнцеподобным. Но для Королев, *настоящих* Королев, могу сделать исключение.

– Я надеюсь, у нас ещё будет возможность поговорить и на эту тему, а сейчас Вам надо ехать, путь неблизкий. До свидания, и хорошо Вам добраться до дома.

Чтобы согреться, я пробежал пару троллейбусных остановок вдоль Варшавского шоссе, изредка оглядываясь, не появится ли троллейбус.

Быстро стемнело. Потом я долго ехал в безлюдном троллейбусе, а он пролетал остановки, и только подвывали электродвигатели, да слышно было, как клацали пантографы на соединениях проводов. В окна, открытые днём пассажирами, врвался холодный беспокойный ветер и гулял по салону. Позади мчащегося троллейбуса, где-то далеко за Варшавкой, угасала бледная полоска уходящего дня, а впереди была ночь с приближающимися огнями города. Ближе к станции метро

«Варшавская» пассажиров прибыло, и троллейбус стал останавливаться на всех остановках. На душе было на удивление тихо и спокойно; мысли как будто улетучились. Прижавшись лбом к стеклу окна, я прикрыл сбоку ладонями поле обзора, чтобы не мешал свет из салона, и просто смотрел в черноту ночи за окном, где свет от наплывавших уличных фонарей выхватывал бордюры дороги и начавшую пробиваться из земли молоденькую ярко-зелёную придорожную траву.

В таком умиротворённом состоянии я добрался до Нахабино. Володино окно на втором этаже светилось, и я сразу направился к нему. Из-за двери доносились приглушённые звуки телевизионной передачи. Я постучал, и тут же раздался его громкий и приветливый голос: «Заходи, товарищ! У нас всегда открыто!»

Володя в ленивой позе полулёжал на кровати и смотрел в противоположную от двери сторону, на экран телевизора, пристроив длинные ноги на кухонной табуретке. Шел фильм «Адъютант его превосходительства». Выхоленный и щеголеватый Юрий Соломин выпутывался из очередной западни. Володя через плечо, не спеша, посмотрел в сторону двери, узнать, кто пришёл. Увидев меня, он резко убрал ноги с табуретки и сел на кровати, всем телом повернувшись ко мне. Лицо выразило самый неподдельный интерес. Но Володя человек деликатный от природы, да и марку держать надо, как бы его не разбиравало любопытство.

– Чайник ещё тёплый, наливай. Печенье на столе, и я тебе сейчас сыра немного дам.

С этими словами он встал, вышел в коридор, где держал свой холодильник, и через несколько секунд уже резал для меня сыр. Пачка печенья уменьшилась с тех пор, как я видел её последний раз. Присев к столу, я дотянулся до предположительно чистой кружки, и налил себе ещё теплого чая. Я пил чай, и кусочки сладковатого печенья прямо-таки таяли во рту. Сыр добавлял чуть солонватый сытый привкус. Всё-таки я здорово проголодался.

Володя, выполнив свои хозяйские обязанности по приёму гостей, продолжил смотреть телевизор, давая мне время подкрепиться. Соломин за это время сумел «перевести стрелки» на другого, но подозрение в шпионаже осталось, и теперь за ним стали приглядывать.

Наконец я доел всё печенье, сходил на общую кухню помыть кружку, и вернулся в комнату. Володя уже выключил телевизор и удобно устроился на кровати, весь ожидание.

– Ну как, Константиныч, всё нормально прошло? – начал он разговор. Голос вроде и нейтральный, и по обыкновению иронично-внушительный и доброжелательный, а всё равно чувствуется, что Володю прямо-таки разбирает любопытство.

Я не стал его томить, и вкратце описал события, последовавшие после его ухода. Володя задал несколько вопросов, чем занимаются девушки, выслушал ответ. Потом он какое-то время молчал, и, наконец, глядя перед собой и как бы размышляя, сказал.

– Понимаешь, такие девушки встречаются редко. Очень редко. Ты говоришь, она заместитель заведующего зилловской столовой. В её возрасте, на такой должности... Хм... Умная девушка. И с такой внешностью! Много бы я дал... Но я ей не пара.

– Пара, не пара... Кто это, Володя, знает. Посмотри, на каких страшненьких иногда женятся классные парни. Как говорится, ни кожи, ни рожи, а чем-то взяли? Любовь, Володя, зла. Пришло время распуститься цветку, и он распускается, он не может долго ждать. Зов природы называется, и никуда от этого не денешься, – неторопливо и беспечно поделился я своими соображениями насчёт матримониальных дел.

– Спасибо, конечно, за утешение, но факт остаётся фактом – глядела-то она на тебя, а на меня она пару раз *взглянула*, – спокойно и без особых эмоций возразил Володя. «Есть у девушки интерес ко мне, или нет, это я могу быстро понять. Я был интересен ей постольку, поскольку был с тобой. И не более. А для меня, как поётся, «самая лучшая песня не спета, самая лучшая девушка где-то. И будем надеяться, что всё ещё впереди, и моя Королева ждёт встречи со мной.»

Я первый раз видел обычно несколько скептического и сдержанного Володю в таком романтическом настроении. Как будто открыл в нем другого человека, о котором не подозревал. Мне было нечего ответить, и я промолчал. Но Володя не мог сразу оставить тему. Он отметил

внешние достоинства Нины, и это и был один из моментов, когда он сравнил её мелодичный голос с концертным фортепьяно, но говорил он о ней так, как если бы речь шла об известной актрисе, уважительно и с восхищением. Впрочем, деликатный Володя очень скоро переключился на футбол, мы ещё немного поговорили, и я отправился спать.

Приподнятое весеннее настроение, которое как ласковая волна окатило мою душу накануне, не оставляло меня и в последующие дни, принеся в жизнь новые, порой пронзительные, краски и многоцветие оттенков, хотя внешне все шло как обычно. Я не связывал это обостренное восприятие с появлением Нины, и все же, все же... Какая-то ниточка от этого весеннего калейдоскопа чувств протянулась и к ней.

По понедельникам у нас две тренировки - с утра «на воде», а вечером в зале, где мы два с лишним часа поднимали штангу. Мне нравились эти тренировки, когда надо мобилизовываться, чтобы поднять максимальный вес. Подходишь, берёшься за холодный гриф с режущей ладони насечкой, концентрируешься, мгновенно проигрываешь всё движение в голове, а потом как будто уходишь в сторону, отключаешь сознание, и даёшь телу самому выполнить упражнение. Но стоит сознанию вмешаться, и всё пропало - штанга с тем же весом еле дотягивается до груди, и бессильно падает на помост.

Такое дело. И в жизни то же самое. Если не идёт изнутри, и начинают влиять посторонние соображения, или соображения посторонних, то, скорее всего, толку не будет. Но как, скажите, научиться слушать своё сердце и делать то, что ты по-настоящему хочешь? Как определить, что действительно *твоё*?

В среду после тренировки, уже находясь в библиотеке, я позвонил Нине на работу. Трубку взяла женщина и скороговоркой бросила: «Столовая». Я уже было хотел попросить Нину, но вовремя спохватился - не стоит, лучше официально. Женщины... Пойдут разговоры, что какой-то мужчина звонит, и явно не по работе.

– Мне бы с заместителем заведующего поговорить.

В ответ она обрадовано высказала предположение: «Вы из транспортного цеха? Давайте быстрее, вы там что, через северный полюс добираетесь?!» Мне пришлось её огорчить, пообещав, что из транспортного цеха им позвонят позже, а у меня другой вопрос. Собеседница разочарована, но что я могу поделать. Мне слышно, как она кричит в сторону: «Нина Петровна! Возьмите тру-убочку!» И спустя несколько секунд слышу весёлый энергичный голос: «Слушаю!» Её голос, хотя и несколько искажённый телефоном, совершенно неожиданно для меня как будто затронул тонкую струнку в моей душе.

– Ну, мне тогда остается только говорить! – шутливо отвечаю, не здороваясь. Она узнаёт меня по голосу, и чувствуется, что ей приятно. Я предлагаю встретиться, почему-то будучи в полной уверенности, что сбоя не будет, но увы – сегодня она не может, у неё какая-то тренировка. Вот те раз.

– А что за тренировка, и когда она заканчивается?

– Ручной мяч, а заканчивается в девять, – и я слышу нотки сожаления. Ну что такое девять часов вечера для меня! И я предлагаю просто проводить её домой после тренировки. Она беспокоится, что будет поздно, а мне далеко добираться, но я уже принял решение, и теперь переубедить меня трудно. В итоге мы договариваемся встретиться. Она объясняет, где находится спортивный комплекс, и заставляет пересказать, как к нему добраться.

Есть же в Москве райончики с запутанной планировкой! Отмечаю про себя, как она основательно подошла к описанию пути – раз уж договорились встретиться, сбоя не должно быть.

Из библиотеки отправляюсь пораньше, и не зря. В Замоскворечье традиционные тишина и спокойствие, чем оно в свое время привлекло многих известных российских интеллигентов, некогда проживавших на этих улицах. Народ, по-видимому, следуя традиции пораньше засыпать, заложённой купечеством ещё в девятнадцатом веке, засел по домам, так что даже спросить некого.

Больше по наитию, чем следуя Нининым ориентирам, выхожу к спортивному клубу и, найдя нужный мне вход, попадаю в тихий и просторный вестибюль. Вахтёр в тёмно-синей форменной одежде, строго выпрямившись на стуле перед вахтенным столом, вопросительно смотрит на меня, пока я подхожу к нему.

– А что, отец, команда по ручному мячу закончила тренировку?

– Да нет, вон слышишь, всё бегают. - Я прислушиваюсь, и в гулкой тишине фойе становятся слышны глухие крики и трель свистка. Мне приходит в голову мысль.

– Послушай, отец, я пойду посмотрю, как они играют, – и вижу сомнение и колебание в глазах вахтёра.

– А кто там у тебя? – спрашивает он.

– Знакомая. Хорошая знакомая, – и весь мой вид демонстрирует чистоту и искренность намерений. Он разрешает, посоветовав подняться на балкон и рукой указав дверь.

На лестничной клетке темно. Я безуспешно пытаюсь найти выключатель, а потом, держась за перила, на ощупь поднимаюсь по лестнице. Дверь угадывается по щёлчке света внизу. Нащупываю дверную ручку, и оказываюсь на балконе.

Снизу раздаются крики, слышен взрывной, дробный топот ног. Отодвигая со своего пути стулья, подхожу к краю балкона и заглядываю вниз. Мне виден почти весь спортзал.

Раскрасневшиеся, разгоряченные девчата носятся по площадке. Передавая друг другу мяч, прорываются через защиту к воротам противника и, прыгая вперёд, уже в падении бросают его в ворота, скользя после приземления по полу. Ничего себе! Жёстко девушки играют!

Тренировка идёт к концу, но страсти на площадке накалены до предела. Нахожу глазами Нину. Скажи мне кто три дня назад, что вот эта девушка, которую Володя назвал Королева, играет в ручной мяч, не поверил бы. Какие напор, стремительность, резкость и сила бросков!.. И эти жёсткость и бескомпромиссность в борьбе с защитой противника...

Хм-м... Что-то я явно упустил при первом знакомстве, какие-то важные черты характера не подметил. Где были мои глаза?.. Или я решил для себя, кто она такая, и этим удовлетворился, раз и навсегда создав для себя представление о ней? Вот те раз! Век живи, век учись. Вчера было одно, завтра другое.

Я как-то незаметно стал «болеть» за её команду. А они молодцы, не подвели, оправдали мои надежды.

Раздаётся длинный свисток, тренер выходит на площадку, а вокруг собираются крепкие фигуристые девчата, многие едва не одного роста с довольно высоким тренером. Румянец играет на молодых оживленных лицах, короткие хвосты волос самого разного цвета, от смоляного черного до светло-русого, перетянутые цветными ленточками, возбужденно мотаются в разные стороны. Все, можно сказать, «в мыле», всё ещё тяжело дышащие и возбуждённые игрой. Тренер что-то говорит, они ему эмоционально отвечают, что-то доказывают - идёт обсуждение игры.

Мне тут больше делать нечего, и я, на ощупь, спускаюсь по тёмной лестнице. Вахтёр на сей раз встречает меня намного приветливее и явно расположен к беседе.

– Что, закончили? Слушай, здоровые девки! Кровь с молоком! Я видел, как они играют. Это ж страсти господни, как они толкаются, да падают. Регби, чистое регби.

– А у вас и регбийная команда есть? – так, просто чтобы поддержать разговор, спрашиваю я. Вахтёр немного даже обижен.

– А как же! В первой лиге играют! - И тут меня осеняет, что, судя по игре, и команда по ручному мячу не такие уж любители.

– Слушай, отец, а вот эти девчата, они что за команда? – и уже спросив, понял, что своим вопросом вселил подозрение в душу вахтёра. Он, прищурившись, внимательно смотрит на меня.

– Так ты ж сказал, что там твоя хорошая знакомая? А не знаешь, что она за сборную «Торпедо» играет?

Мне действительно нечем крыть его козырь. Приходится выкладывать начистоту, что познакомился недавно и не успел узнать о таких интересных подробностях. Говорить правду чаще

всего самое лучшее, что мы можем сделать. И потом, не надо обременять память, где и когда слукавил. Раз приняв такое правило – с некоторыми исключениями, потому что правил нет без исключений – настолько облегчаешь себе жизнь! Так что вахтёр мне поверил.

Мы с ним ещё потолковали о футболе. Он вспомнил Стрельцова и былую славу «Торпедо», рассказал несколько историй о легендарных голах, но тут послышались голоса и в фойе начали выходить девушки. Нина сразу направилась ко мне, по пути обернувшись и попрощавшись с остальными. Я хотел взять у неё спортивную сумку, но она не дала, сказав:

– Ничего, я сильная.

– Я видел.

– Что ты видел? – и так мы перешли на ты, и в этом не было грубости, но даже скорее наоборот, признание близости наших отношений.

– Смотрел с балкона, как вы играли.

– Как, Трофимыч пустил?! – вахтёр услышал своё имя и ответил за меня.

– Пустил, пустил. За погляд денег не берут, – пошутил он, и приятельски подмигнул мне.

– Ну что, идём? – спросила она.

Мы попрощались с Трофимычем, и вышли на улицу. Здесь царили темнота, тишина и отнюдь не весенняя прохлада. Голоса ушедших вперёд девушек затихали вдаль.

И в метро и в троллейбусе было малоллюдно. Мы сидели рядом, прижавшись друг к другу плечами, и разговаривали о всякой всячине. Я рассказывал о себе, она описывала эпизоды из своей жизни, связанные с учебой, работой, спортом, но некоторые темы мы обходили - я чувствовал, что ещё не время задавать более откровенные вопросы. Пока выяснил, что около года назад она приехала из Орла, где работала после института, занимаясь экономическим планированием на заводе. С её слов, работа была интересная – требовала и знаний, и умения быстро разбираться в проблемах, связанных с разработкой, изготовлением и установкой производственных линий для пищевой промышленности. В Орле у неё родители, два старших брата и много других родственников.

В общежитии они живут с Верой, которую я видел в первый день, хотя обычно девушек селят по четыре человека в комнате.

Ручным мячом увлеклась ещё в школе; перед отъездом из Орла выступала в городской команде. Сказала об этом вскользь, но я так понял, что уровень у неё довольно высокий. Ещё играла в баскетбол, но в итоге ручной мяч победил. Я спросил, пробовала ли она индивидуальные виды спорта, но она сказала, что ей нравятся игровые, командные, добавив с улыбкой: «Люблю быть среди людей». Я понимал, о чём идёт речь. Часто, гоня футбольный мяч на тренировках или в импровизированных матчах, на себе ощущал коллективный дух, общее стремление к победе. Что-то в этом есть, в командных играх, какое-то другое качество, другие отношение и настрой, чем в индивидуальных видах спорта.

С Ниной было просто хорошо, и тема разговора не имела особого значения. Нить беседы мы направляли вдвоём, как будто играли дуэтом партитуру. И ещё я обнаружил, что она хорошо чувствует собеседника и подтекст разговора. Разумеется, она не могла знать каких-то специфических студенческих шуток, равно как и я не понял бы многое из её профессионального опыта, но мы и не затрагивали такие темы - нам без этого хватало, о чём говорить.

На меня нашло какое-то интересное и непривычное состояние: не надо думать, что было, и заботиться о том, что впереди, но вся жизнь словно сосредоточилась в одном этом разговоре, в ощущении её тёплого плеча, и как будто ничего больше нет, да и не надо, за пределами постепенно пустеющего троллейбуса. Он плыл как островок в безбрежном временном пространстве жизни; сам по себе, без связи с нашим остальным бытием. Так в детстве можно было построить себе шалаш в укромном месте, и не думать о том, что происходит за его пределами, просто наслаждаясь уединённостью.

Но все кончается в этом мире. Вот и наша остановка, и мы выходим в ветреную темноту ночи. Нина настояла, чтобы я сразу отправился домой, и даже проводила до остановки. Пока мы ждали, я загородил её от холодного ветра, а она прислонилась ко мне спиной. Прямо передо мной были её тёмные шелковистые волосы, а руками я держал её за плечи, ощущая их податливость.

Вскоре подкатил троллейбус, и повторился путь до Нахабино. Снова на меня нашло какое-то спокойствие и созерцательное настроение, и не было никаких мыслей. Нет, что-то мелькало в голове – Трофимыч, отчаянные Нинины прыжки с мячом в руках, её хлесткие, резкие броски по воротам, жесткие столкновения с защитой противника... И выплывало уютное ощущение, когда мы ехали, касаясь плечами друг друга, и когда потом она прислонилась ко мне спиной на остановке, а я загораживал её от ветра. И хотя на завтра было много дел, я как-то не давал обычным заботам проникнуть внутрь и замутить тихого созерцательного настроения.

Завтра будет завтра. И всё.

Весна расширяла свои владения. Пару раз зима прорывалась с севера, каждый раз засыпая на день снежной крупой зазеленевшие луга за Малиновкой. В городе выпавший снег полностью таял уже к полудню, побеждаемый весенним теплом. Все реже по утрам холодный ветер заставлял прохожих плотнее запахивать плащи и куртки. Днем наиболее нетерпеливые девушки и женщины шли в одних платьях, не то торопясь блеснуть обновками и показать свои фигуры, не то соскучившись за зиму по легкой одежде.

В Подмоскowie весна почти всегда хорошее время. Тихое и солнечное, в обрамлении свежей нежной зелени, раннее утро вызывает в душе беспричинный радостный подъём, когда я направляюсь на станцию, привычно подстраивая шаг, чтобы ступать по шпалам. Ещё слишком рано. Я иду в полном одиночестве мимо спящего посёлка, и только ранние весенние птицы, время от времени, как будто спохватившись, оживляют утреннюю тишину своим залившимся щебетанием.

Дни идут своей обычной чередой. Дел хватает, но как-то всё успевается, и довольно напряжённый ритм не в тягость. Хотя я привык переходить от интенсивных физических нагрузок к аспирантским делам, но иногда, особенно после занятий штангой, надо часа три, чтобы отойти от тренировки и сосредоточиться на занятиях. Обычно в таких случаях сплю, где придётся – в поездах метро, библиотеке, - и это помогает быстрее переключиться на научные проблемы.

Иногда неделями не удаётся уделить сну больше трёх-четырёх часов, особенно когда приходится проводить эксперименты на полигоне недалеко от Солнцево. Туда пришлось ездить три недели подряд, а после вечерних тренировок допоздна обрабатывать результаты экспериментов и планировать задания на следующий день. Выезжал на первой электричке в четыре утра. Но за счёт своей способности спать в любом положении, в течение дня добирал часок, и жить было можно. Более того, чувствовал себя всё время бодро, в тонусе. Как говорят военные, «ремни держат»! Главное - не расслабляться.

Мы провели с Ниной несколько вечеров. Один раз, в воскресенье, смотрел игру их команды. Я в спорте не новичок, и хотя в командных играх на высоком уровне не выступал, да и вообще по натуре свободный художник, могу оценить уровень спортсмена. Оказалось, что Нина - сильный игрок, и ключевой в командном плане. Этот момент надо пояснить. В командных состязаниях умение организовать игру имеет не меньшее значение, а часто и большее, чем личное мастерство. Поэтому и ценятся игроки со стратегическим видением ситуации, способностью донести его до остальных и организовать игру команды как единого существа. Часто это самые ценные игроки, хотя хорошие нападающие и защитники, конечно, тоже нужны. Нина и была таким «стратегом», одновременно увлекающая подруг по команде в вихрь выстраиваемых на ходу комбинаций и вселяя в них уверенность своей напористой целеустремленностью и изобретательной игрой. Мощные атаки её команды накатывались на ворота противника, как штормовые волны на берег, и нередко

достигали успеха. Я подумал, что, пожалуй, при подходящих условиях она могла бы выйти на очень хороший уровень, может быть, сборной республики, а то и страны.

За время игры образ Нины-спортсменки и Нины-Королевы, до сих пор жившие в моем восприятии раздельно, как-то незаметно соединились вместе, и её быстрые, атлетически красивые, оточенные движения и перемещения по площадке предстали естественным продолжением её красоты, столь щедро дарованной природой.

Азарт борьбы, бескомпромиссного, но честного состязания захватил полностью не только игроков, но и зрителей, которые всей душой, эмоционально, частенько в возбуждении вскакивая с мест, сопереживали своим командам.

После игры, как бы между делом, сказал, что думаю об её игре. Она, похоже, сама знала себе цену, и ответила, что сборная - цель реальная, но не такая уж близкая. Хотя она сама чувствует, что за последний год играть стала лучше.

Мне понравилась её спокойная, без тени хвастовства самооценка. Хороший спортсмен должен чувствовать свою силу, чтобы прогрессировать. Одинаково плохо переоценивать и принижать свои успехи - в любом деле. Так что её суждение - это лишь взвешенное мнение профессионала о своем уровне, и что надо сделать, чтобы добиться определённых успехов. Потом она поделилась своими мыслями, над чем ей ещё надо работать. Несколько неожиданными и интересными показались её рассуждения, чем она может *компенсировать* какие-то особенности. Например, недостаток массы - скоростью и жёсткостью.

Интерес вещь хорошая, и для меня это один из самых притягательных моментов в спорте. Но когда выходишь на такой уровень, спорт поневоле становится работой, и работой нелегкой. Наверняка для большинства девушек в команде игра в ручной мяч была основным занятием, за которое они получали зарплату, жилье, а для Москвы квартирный вопрос вещь немаловажная. Было интересно узнать, как сама Нина смотрит на занятия спортом, и я спросил её об этом. Ответила она откровенно.

– Да, у нас девчата только числятся на работе, а на деле играют. Я бы тоже могла, но пока успеваю и работать и тренироваться. Конечно, то, что в команде, имеет значение. И с жильём надо как-то вопрос решать... Это если хочу в Москве остаться. - Последнее замечание меня заинтересовало - что значит «если», и какие ещё варианты, но спрашивать не стал - неудобно.

После игры мы бродили по городу, а под вечер, придя в парк «Сокольники», гуляли по окраинным гравийным и грунтовым дорожкам до темноты. Посидели в кафе, снова побродили по освещенным фонарями аллеям, и в конце вышли к танцплощадке, привлеченные звуками оркестра.

Мы выбрали место в стороне, под раскидистыми деревьями, темные высокие кроны которых далеко нависли над деревянным помостом танцплощадки, затенив её от света фонарей. Танцующих здесь было немного – народ теснился возле хорошо освещенной эстрады. Мои руки коснулись её талии, и под спокойную музыку мы быстро уловили свой ритм и почувствовали партнера.

Мелодия стихла. В наступившей тишине стало слышно, как легкий ветерок над нами по очереди, как четки, быстро перебирает шелестящие листья. И тут оркестр заиграл «Аргентинское танго». Уже при первых звуках я встретился взглядом с её блестящими глазами, и мы мгновенно поняли друг друга – это был *наш* танец. Я невольно рассмеялся - и от предвкушаемого удовольствия, и ответной Нининой готовности. И мы не обманулись друг в друге - к концу танца нас окружало кольцо зрителей, наградивших наше исполнение аплодисментами.

Уже по начальным движениям стало ясно, что моя партнерша не ограничивала свой досуг в Орле только спортивными площадками. Тем лучше, поскольку я всегда полагался больше на импровизацию, раз уловив общий рисунок танца. Музыка как будто жила в нас обоих, до того хорошо мы чувствовали намерения друг друга. Я начал более энергично, чем следовало, но она помогла подстроиться, и это было правильно, потому что в «Аргентинском танго» первые

аккорды, это как точная настройка. А потом взятый ритм уже не отпускал нас ни на мгновение, увлекая дальше и дальше, неразрывно слив наши тела танцевальными движениями, рожденными удивительной музыкой, в которой моему воображению виделось безбрежное небо далеких пампасов, необъятные просторы густой высокой травы, скрывающей лошадь, с редкими, убогими жилищами «гаучо» - странного племени наездников и романтиков-стоиков, некогда порожденного этими просторами.

Замерли последние аккорды. Мы глянули друг на друга, и, повинувшись невольному порыву, обнялись на несколько секунд, после чего она, присев, легко выскользнула из моих объятий.

Снова заиграл оркестр, и мы продолжили танцевать. Но то первое, самое сильное, желание танцевального ритма уже выплеснулось. Когда спокойная музыка перемежалась быстрой, мы импровизировали, добавляя для вариации размашистые движения из бальных танцев. Нас это веселило. На ходу мы угадывали намерения друг друга и успевали подстраиваться. И не было у нас ни ведущего, ни ведомого. Как только кто-то задумывал движение, он заранее обозначал своё намерение, и другой тут же его поддерживал.

В один из моментов она глазами показала, что сейчас откинется спиной мне на руки, и я даже успел подтвердить, что понял её намерение, и надёжно поддержал её, а потом чуть более сильным движением, чем надо, показал, что готов принять её на другую сторону. Нина в каком-то гимнастическом движении, как бы взлетая вверх, повернулась в другую сторону, и мягко упала спиной на мою руку. С мимолетным волнением, под платьем я ощутил её упругое тело; точно принял его и вернул в вертикальное положение. Она как будто приземлилась, чуть присев, и, не потеряв ритм, с оборотом взметнулась с вытянутыми руками вверх, разметав волосы.

В основном танцевали ребята и девушки моложе нас, но какое нам до этого было дело. Мне недавно исполнилось двадцать пять, а Нине было двадцать три с половиной, и как-то трудно чувствовать себя в таком возрасте ветеранами. Хотя кому как. Некоторые и в двадцать лет ведут себя как пенсионеры, и наоборот. Не в возрасте дело, а в отношении к жизни.

Хорошо мы потанцевали, от души, и, хотя не было сказано ни слова, были благодарны друг другу и за праздничное единение в танцах, и просто за то отдохновение, которое даёт бездумная отдача музыке и быстрым ритмичным движениям. Что-то глубоко сидит в нас, изредка выплывающая наружу таким вот образом. И её близость во все время ощущалась каким-то приятным и пронизывающим волнением, смешанным с музыкой, ночной темнотой, и влекущим, не отпускающим ритмом.

В тот день, по возвращении, нам не хотелось сразу расставаться. И мы ещё постояли возле общежития. Но прежде Нина посмотрела вверх и убедилась, что на нас ничего не свалится сверху – над нами был небольшой карниз.

– Могут и сбросить что-нибудь, народ тут простой, – пояснила она меры предосторожности. Я прислонился спиной к стене и держал её за талию, а она положила руки мне на плечи, как будто мы с ней всё ещё танцевали, и в таком положении разговаривали. И как фон, меня не покидало подсознательное чувство, как будто я давно знаю её. Оно зародилось в тот момент, когда мы встретились глазами перед «Аргентинским танго» и я мгновенно распознал родственную душу. Но не только. Что-то ещё приоткрылось в тот момент для меня - как будто неожиданно увидел глубину, но не отшатнулся инстинктивно, а наоборот, готов был шагнуть туда. Говорят же - как в омут. Кто бы мог подумать...

Нина со смехом рассказала, как ей приходится бороться с мелким воровством среди работников столовой. Что-то всё равно уташат, не убережешься, да и заведующий считает, что «нельзя быть у воды, и не напиться», но надо держать народ в рамках. Работники ходят через заводскую проходную, много не утащишь. Но всё равно умудряются, привязывая продукты, а то и по паре кур, на верёвку и пряча под юбки.

– У-жас! Мне подумать страшно, как они через проходную идут с этими курами, прямо из холодильника, – смеётся Нина.

– Да что ты, есть такой отважный народ, ничего не боится, – заверяю её. «Думаю, некоторые просто из любви к искусству воруют, им даже не столько продукты нужны, сколько острые ощущения.

– Может быть, – соглашается Нина. «Мне одну так и пришлось уволить, просто какой-то клинический случай клептомании. Главное, остальные, глядя на неё, как с ума посходили. Поддон для котлет утащили. Ну кто дома столько котлет будет готовить? Глупость какая-то. - И, слегка покачиваясь назад и вперёд в моих руках, заканчивает: «Как только её уволила, тут же воровство прекратилось. Вот уж точно, ложка дёгтя в нашей столовской бочке мёда!» – и она вопросительно смотрит мне в глаза.

А по мне, правильно она сделала. Со всеми не нанянчишься. Многие по-хорошему просто в принципе не понимают, воспринимая доброе отношение как слабость, которой надо воспользоваться в своих целях.

Но пока я так и не узнал, почему она уехала из Орла, а сама она обходит вопрос стороной. Значит, время ещё не пришло. А может, и никогда не придёт.

Весна незаметно перешла в лето. Ярko-желтые от цветов одуванчиков, светло-зеленые весенние поляны сменили цвет на спокойный летний, с потемневшей, заматеревшей травой. Отцвели бело-пенным и нежнейшим розоватым цветом фруктовые деревья и кустарники в нахабинских садах, усыпая траву и землю лепестками с коричневатой каемочкой увядания. Опавший цвет не вызывал сожаления – о неизбежном не печалются, - но как будто оповещал о завершившейся смене времен года и, как я ощущал, об окончании какого-то этапа моей жизни.

Каждое утро, идя на станцию, я отмечал, как подрастала обильно высыпавшая плодовая завязь на яблонях. Часть её быстро отпала сразу после цветения, ненадолго выстелив тропинки под деревьями тонким зеленоватым ковриком, но та, что осталась, цепко укрепилась на ветвях и обещала дать богатый урожай. Солнце вставало быстрее и почти сразу начинало пригревать. Воспоминания об утреннем весеннем холодке сразу стали чем-то далеким и забытым – человеческая память странное творение, и время в её царстве не плавная равнинная река, но горный ручей, прихотливо скачущий по скалистым уступам.

По научной работе сделано более чем достаточно, и мне не терпелось закончить диссертацию, защититься, и поскорее расстаться с аспирантским статусом. Откровенно говоря, это положение уже давно тяготило – сколько можно ходить в учениках, хотя бы и формально, тем более что на деле я давно работал самостоятельно. И, каким-то образом, приход лета как будто обнажил мое нетерпение поскорее поставить точку в этом вопросе. Одним словом, труба зовёт! Пора, пора!..

Как-то я встретил Нину после работы. Когда на троллейбусе мы подъезжали к общежитию, я спросил, нет ли поблизости места, где можно искупаться. На меня иногда находит почти нестерпимое желание залезть в воду, желательно ледяную, и охладиться, как будто организм в экстренном режиме начинает сбрасывать тепло, как какая-нибудь теплоэлектростанция горячую воду. Оказалось, неподалёку есть не то пруды, не то котлованы, где Нина видела отдыхающих.

Сойдя с троллейбуса, мы направились к прудам. Никто не купался, но на глинистых берегах сидели несколько безмолвных рыбаков. В ведерке одного из них трепыхался ёршик с непропорционально большим колючим плавником. Надо же! Тут даже рыба есть!

Я разделся, и с наслаждением погрузился в холодную водицу несколько необычного насыщенного аквамаринного цвета. Нина ждала меня на берегу. Она нашла в лесочке деревянную колоду, притянула её на берег, и сидела на ней, задумчиво глядя куда-то вдаль.

Одеваясь, я забыл на кусте маленькое махровое полотенце с легкомысленными лимонными и зелёными поперечными полосками – обычно брал его на тренировки. Вспомнил об этом только когда проводил Нину до общежития. Со смехом сказал ей о пропаже, и тут же забыл об этом.

Каково же было моё удивление, когда она при очередной встрече подала мне полиэтиленовый кулёк, в котором по лимонным и зелёным полоскам я сразу узнал своё полотенце.

– Каким образом?! – в изумлении воскликнул я.

– Заехала утром, нашла, – просто ответила Нина. Я представил, как она ранним утром, когда на траве серебрится холодная роса, а кругом ни души, пришла на котлован, чтобы найти пропажу. Там днём–то не очень уютно себя чувствуешь, а с утра в этом месте, наверное, просто жутковато. И что–то всё–таки подвигло её на этот поступок.

Как произошёл этот эпизод, я и сам толком не отдаю себе отчёта. Спонтанно. Иногда так бывает. Ничего не планируешь, не ожидаешь, а оно раз, и случается. Приходит мгновенный толчок изнутри, и ты ему беспрекословно подчиняешься. А тогда всё именно так и произошло.

Лето к тому времени уже окончательно обосновалось в Москве и Подмосковье, и даже принесло свои первые плоды – зелень с огородов, ведерки и корзинки садовой клубники. Эти первые летние дары природы, расставленные и разложенные на прилавках небольшого базара в Дедовске, радовали глаз своей свежестью и безыскусной прелестью. Дедовск был следующий город за Нахабино по рижской дороге. Туда я иногда добегал по лесу во время своих вечерних кроссов. Не в силах удержаться, почти всегда что-нибудь покупал на базаре, и тогда часть дороги назад шел пешком, пока не «расправлялся» с купленной клубникой или свежими, хрустящими на зубах огурцами.

После того, как мы сходили в кино, я проводил Нину. На улице, постепенно расходясь, начинался летний дождь, и мы зашли в подъезд общежития. Наверх вели несколько ступеней, и уже там располагалась конторка вахтёра. Мы простились. Нина, поднявшись по ступенькам, одарила меня улыбкой, помахала рукой, и пошла по коридору. Я замешкался внизу, доставая из спортивной сумки куртку, из–за начавшегося дождя. В это время вахтёрша поднялась со стула и пошла в противоположную от Нины сторону.

Я, особо не понимая, зачем это делаю, может просто из озорства, не задумываясь, взлетел по ступенькам, почти бесшумно, на носках пробежал по коридору, увидел вход на лестничную клетку, и свернул туда. Мне были слышны быстрые шаги – это по лестнице поднималась Нина. Перепрыгивая через несколько ступеней, я быстро догнал её.

Ситуацию она оценила быстро.

– Смотри, это женское общежитие. Надо чтобы тебя никто не увидел, тут же доложат. Идём тихонько, я впереди, – и мы продолжили подниматься.

На восьмом этаже Нина вышла в коридор, а я остался на лестничной площадке. В коридоре было тихо. Звякнули ключи, она открыла дверь, и махнула мне рукой, чтобы следовал за ней. Через несколько секунд я закрывал за собой дверь. И тут Нина, уже не сдерживаясь, расхохоталась, бросив сумку на пол и держась руками за стену. Отсмеявшись, она на мгновение прислонилась ко мне, потом легонько толкнула в грудь, и, всплеснув руками, без тени упрёка в голосе произнесла, глядя на меня всё ещё смеющимися глазами: «Зачем?»

– Не знаю. Может, из–за дождя, – мне и вправду трудно было объяснить свой поступок.

– Ладно. Заходи, гостем будешь. – Не нагибаясь, нога об ногу, сбросила босоножки, подобрала сумку и прошла в комнату. Я разулся, поставил свои туфли поближе к двери, и зашёл следом. Мне представлялось, что она живёт в комнате, как в студенческом общежитии, но увидел небольшую квартиру, только без кухни. Маленькая квадратная прихожая, из неё дверь в ванну, сбоку встроенный шкаф, и прямо – дверь в комнату.

Я ожидал встретить обычную казённую мебель, и каково же было моё удивление, когда передо мной предстала хорошо обставленная комната.

– Это у вас что, стандартный набор? – поинтересовался я. Нина догадалась, что вопрос относился к мебели. Оказалось, она сама купила, объяснив тем, что привыкла жить дома.

Комната средних размеров, но уютная, как игрушечка, и, на мой взгляд, придаться не к чему - даже если бы я захотел. Она состояла из двух частей, обозначенных мебелью. Судя по тому, как Нина привычно прошла к письменному столу у окна, это была её часть.

Нарядный обеденный стол с вазой посередине и вязаными салфетками, макраме, находился как бы на нейтральной территории. Я отодвинул стул подальше от обеденного стола, и сел на него, лицом к окну.

Нина попросила меня отвернуться, чтобы переодеться, потом подошла, присела на корточки, положила руки мне на колени и заглянула снизу в глаза: «И что мы будем делать, дорогой мой гость?» И сама же ответила: «У нас будет ужин, но его надо приготовить». И в этот момент послышался звук ключей, вставляемых в замочную скважину, дверь отворилась, и обернувшись, я увидел в коридоре Веру. Но меня она пока не заметила. И только разувшись и войдя в комнату, остановилась в дверном проёме, как поражённая громом. За всё это время мы с Ниной не произнесли ни слова.

– Добрый вечер, Вера! – произнёс я с интонациями Деда Мороза, приветствующего детей на новогоднем утреннике. Она, наконец, обрела дар речи, и поздоровалась. Вера небольшого роста, но плотная, моторная. Живое округлое девичье лицо обрамлено непослушными кудряшками каштанового оттенка; из-за них она немного похожа на подростка. По возрасту Вера моложе Нины, ей девятнадцать лет. Ещё раньше Нина, рассказывая о ней, как-то обронила, что она у Веры вроде мамы. Нина спросила, не поможет ли Вера ей на кухне, и та, быстро переодевшись, вскоре туда ушла. Нина, заверив, что они скоро вернутся, и сунув мне несколько книг, ушла следом.

Я начал листать книги. Это были повести Валентина Распутина, переводы рассказов Сомерсета Моэма, какой-то французский переводной роман, напечатанный мелким шрифтом - имя писателя мне ни о чём не говорило. Самая толстая книга, к моему удивлению, оказалась «Преступление и наказание» Достоевского. Глянув на застекленные книжные полки, приобретаемые, по-видимому, постепенно, я смог разглядеть имена Льва Толстого, Пушкина, много книг из серии «Жизнь замечательных людей», о путешествиях, экономике, по кулинарии - вернее, по кулинарным технологиям. Библиотека комплектовалась явно не случайно, и выбор свидетельствовал об основательности и развитии вкуса.

Я предполагал, что Нина неплохо знакома с серьезной литературой, но до сих пор мы не затрагивали особо эти темы, хотя несколько раз обращали на себя внимание её комментарии по разным поводам, говорящие о начитанности. Чтение, это палка о двух концах – кто-то извлекает пользу, а кто-то просто глотает книги, ища пищу для эмоций, но не для ума, и не осмысливает прочитанное. Судя по библиотеке, Нина относилась к первой категории читателей - прочитанное она обдумывала.

Ужин, как и обещалось, приготавливался быстро. Вскоре на столе парил в тарелках борщ - по-видимому, из утренних запасов, подогретый, и для него же поставили сметану; омлет с луком и приправой только что приготовили. Вера принесла овощной салат, при этом бросив на меня немного смущенный, но вполне доброжелательный взгляд, и вскоре стол сервировали для ужина, и очень прилично.

Я без крайней нужды не усложнял свою материальную жизнь, довольствуясь немногим. Контраст между моим прямолинейным, грубоватым спартанским бытом и этим с любовью ухоженным женским гнездышком и тщательными приготовлениями к ужину был так велик, что, несмотря на слышный за окном неторопливый летний дождь, на душе стало светло и радостно, как когда-то давно, в детстве, перед раздачей подарков на новогоднем утреннике.

Стесненности я не чувствую, но необычная обстановка, где на всем лежит отпечаток женской заботы об устройстве быта - все эти аккуратные скатерти, салфеточки, накидки, затейливые стеклянные вазочки и расписной фарфор, как узором обрамляют моё приподнятое и немного возбужденное состояние. Почему-то я немного волнуюсь, и есть не хочется. Вид накрытого стола вызывает больше эстетические чувства.

Но вот закончены приготовления, и Нина с Верой приглашают к ужину. Нина – тепло и радушно, Вера просто разводит руками в сторону стола и несмело улыбаясь, добавляет: «Проходите, пожалуйста».

Я встаю со стула и с пафосом, торжественно-озабоченно восклицаю: «Свечи! Мы забыли зажечь свечи! И непременно в латунных, поблескивающих канделябрах!»

Нина искренне смеётся; Вера вторит ей негромким открытым детским смехом. Доверие между ней и мной установлено. Глядя на них, сам начинаю улыбаться. За окном неспешно и уютно шумит летний дождик. Я чувствую себя гостем, и гостем желанным.

После ужина Нина с Верой быстро прибрали посуду, и Вера ушла.

Дождь затихает. За окном, в непроглядной темноте ночи, о жестяной подоконник разбиваются крупные капли, все реже и реже, и я даже улавливаю в их ударах какой-то ритм.

- Музыка ушедшего дождя. Ему и двум добрым феям я обязан прекрасным ужином, - кивая головой в сторону окна, говорю я Нине, заканчивающей прибирать стол.

- Да, это хороший дождь. И он все правильно сделал, - улыбаясь, отвечает она.

Пора уходить, но я тяну время, пребывая в состоянии безвременья, которое, как ватным одеялом, окутало для меня весь этот вечер.

Убрав скатерть со стола, Нина села на стул напротив и, глядя мне прямо в глаза, примирительным голосом сказала: «Давай решим, что делать дальше. Время одиннадцатый час, ты ещё успеешь добраться до дома. Через вахту как-нибудь проберёшься. Если я тебя оставлю здесь, то придётся беспокоить Веру. Тогда я буду спать на её кровати, а ты на моей», – она помолчала, что-то ещё хотела добавить, но не стала. Я примерно догадывался, что она могла сказать, и был благодарен, что она промолчала. Значит, мне доверяют. По инерции прислушиваясь к дробному стуку капель дождя, отвечаю: «Неудобно беспокоить Веру, но если она согласится, мне бы хотелось остаться. Когда мы ещё сможем побыть одни». Нина с улыбкой соглашается: «Хорошо».

Она уходит, вскоре возвращаясь с Верой. Видно, что они уже обо всём договорились. Вера, взяв свои вещи и попрощавшись, оставляет нас.

Сразу становится тихо-тихо. Мы сидим напротив, смотря друг на друга, и ничего не говорим. Но нет чувства неловкости, как бывает, когда возникает пауза в разговоре, и нечем её заполнить. Мне просто хорошо: я наслаждаюсь её близостью, возможностью разглядывать черты лица, угадывая за ними ум, волю, незаурядный характер, находя в чем-то подтверждение тому, что уже знаю о ней, и открываю новое, что доселе ускользало от меня, хотя я чувствовал его присутствие.

Любой человек, это как бесконечный и всегда меняющийся мир. Можно долго знать кого-то, но так никогда и не понять человека до конца, и даже составить о нем ошибочное представление. Я не так много знал о жизни Нины, но чувствовал, что как на человека на неё можно положиться. А в таких случаях детали не так важны.

Но не только это знание определяло мое отношение к ней. Что-то ещё, другое, более глубокое и, может, даже более важное, чему я пока не мог найти названия, жило во мне как спокойный и ясный огонек. Но есть ли что-то похожее в её душе? И постепенно я осознаю, что мой сегодняшний внешне безрассудный поступок не такой уж беспричинный - он вызван подсознательным желанием получить ответ на этот вопрос. Вот только как? И точно ли я готов услышать «нет»? А как насчет «да»? Пожалуй, с этим ясно – тут я готов. А насчёт «нет»... Что ж. Тоже готов. Себя я знаю. Встану и навсегда уйду, не оглядываясь.

В темноте за окном, в отдалении, раздался звук автомобильной сирены и послышался визг покрышек об асфальт. Ненадолго раздались приглушенные расстоянием возбужденные женские голоса, и все стихло. Мы одновременно глянули в сторону улицы, потом снова друг на друга. Я высказал предположение: «Дорогу под носом у машины перебежали». Нина согласно кивнула: «Девчонки...».

Попутно замечаю на письменном столе «Преступление и наказание» - книга так и лежит открытая. Повинуясь какой-то безотчетной мысли, спрашиваю, что её заинтересовало в романе. Нина задумывается. В лице, как мне показалось, мелькнуло мгновенное колебание, говорить или нет, и последовал удививший меня ответ: «Наверное, наказание без преступления», – и серьёзно смотрит мне в глаза, в ожидании, надо ли что-то добавить. Разумеется, надо.

Она встает, проходит к письменному столу и берет томик. Я в это время придвигаю другой стул, вплотную к моему. Нина садится рядом, и мы соприкасаемся плечами. Разворачивает книгу на коленях и быстро находит и зачитывает сначала страницу с известными рассуждениями Раскольникова, имеет ли он право, а потом ужасающую сцену убийства Лизаветы.

Положив книгу на обеденный стол, она поворачивается ко мне. Мы сидим совсем близко-близко, лицом к лицу. Глядя мне в глаза, говорит, как будто размышляя, но чувствуется, что она думала об этом не один раз.

– Человек на пустом месте, из-за своей неудовлетворённости жизнью, придумывает какие-то бредовые идеи, а потом начинает их осуществлять, и вот к чему это приводит. Понимаешь, меня поразило в какой-то момент, что результат-то один и тот же, будь на месте Раскольникова какой-нибудь уголовник. Какое значение имеют все его рассуждения после свершённого? Только то, что они привели его к чудовищному преступлению именно таким путём, и всё! Но чего они стоят по сравнению с жизнью двух ни в чем не повинных людей? Я понимаю все его доводы. Но все это понимание тут же улечивается, когда такое тебя лично коснется. Правильно, «чужую беду руками разведу», а вот когда своя душу скрутит, тут по-другому запоешь.

Я удивлен её эмоциональным ответом, но одновременно понимаю, что с первого захода попал близко от нужного мне «яблочка».

Нина молчит, глядя куда-то в пространство. Подождав, не захочет ли она продолжить, говорю: «В каждом деле надо добираться до сути. Но суть многогранна. Представления о жизни, и в первую очередь о нравственности, моральных устоях, меняются. Мы может в полной мере не осознаем этого, в силу своей молодости. Да, результат на виду, и судить по нему легче. И, в каких-то случаях, это правильно. Раскольников - убийца, и все его оправдания гроша ломаного не стоят, верно. Но гораздо чаще все не так просто. Перспектива с одного направления часто обманчива, порождает иллюзию. Надо видеть *всю* картину», – и я сделал ударение на «всю».

– Понимаю, понимаю! Надо смотреть дальше! Только где взять такую подзорную трубу?

Я пожал плечами, показывая, что у меня нет ответа, и добавил.

– Единственное, что знаю, всегда надо думать. Готовых рецептов нет, и кто так считает, обманывает сам себя, либо других. Если есть голова на плечах, используй. А нет, никто не поможет, даже если захотят. Изнутри должно идти.

Нина вздохнула.

– Если бы всё решалось разумом!.. А душа? Куда её девать, когда она говорит одно, а разум подсказывает другое?

– Советовать легко, знаю. И всё же, всё же... Слушай своё сердце, не наступай на горло собственной песне - даже если будет больно.

Нина, выпрямившись на стуле, вытянула руки вверх, а потом резко опустила их и снова повернулась ко мне. Её лицо было совсем близко, и хотя я был поглощен разговором, ощущение её какой-то одухотворённой красоты как будто окатило меня волной. Но одновременно та же волна принесла предчувствие боли.

– Был у меня в Орле парень, Серёжа. И всё у нас с ним шло хорошо. Я по-настоящему любила его, на все была готова. Как сумасшествие! Сладкое сумасшествие. А потом «красивая и смелая дорога перешла», – процитировала она слова песни Анны Герман. Помолчала, и закончила: «И всё кончилось. Было больно, очень больно. А они ходили по нашей улице. И тогда я уехала.

Она сказала всё это без горечи, и во всё время, пока говорила, голос был спокойный и ровный, и её прямая осанка не поменялась, и она так же смотрела мне в глаза. А я не знал, что и ответить. Но потом слова пришли сами.

– Понятно... Действительно, ты наказана без вины. Но так бывает, и нередко. Можешь не сомневаться, несправедливости на твой век хватит. Не стоит надеяться на чью-то милость, кто бы это ни был. Ангелов нет. Все спотыкаются. Все. Говорят же – жизнь прожить, не поле перейти. Победы ходят рука об руку с поражениями. И чем выше ставки, тем больше проиграешь. Тебе ведь было хорошо? Да, пришлось заплатить, и может дороговато, но кто знает истинную цену? Всё, это уже случилось. Проехали! Приняли, как-то залечили рану, и живем дальше. А какие ещё варианты?

Она слушала и машинально накручивала на палец локон волос. Раньше я не замечал за ней такой привычки. Она распустила прядь и положила руки на колени.

– А теперь он мне пишет. С ней он расстался давно. Сразу, как я уехала. Думаешь, мой отъезд повлиял?

– Не знаю. Может быть, – я так действительно подумал; не то чтобы пытался её утешить. Да она и не нуждалась в утешении. И потом продолжил: «Ты его лучше знаешь. Если в него влюбилась *ты*, то, как ни зла любовь, он скорее всего нормальный парень. Все спотыкаются. Влюбленность лошадка норовистая, это болезнь. Если он тебе год пишет, о чём-то это говорит?

– Он и переговоры заказывал, но я не пошла. Не смогла, – задумчиво добавила Нина.

– Давно это было? – поинтересовался я, хотя единственное, что мне сейчас хотелось, это закрыть глаза и ни о чем не думать. От резкого перепада температур сталь закаляется, но не всегда, иногда - ломается. Что уж говорить о простой человеческой душе...

– Последний раз месяца два назад....

– Нда... Не знаю, что и ответить. Я ведь к тебе тоже равнодушен, к слову сказать. Но ладно. Давай подумаем. Что-то мне подсказывает, что ты готова на примирение, или как там это назвать. Одним словом, если бы не размолвка, ты не против быть вместе с ним. – И говоря это, я вполне осознавал, к чему приведет дальнейшее развитие событий и моё активное участие в них.

– Я думала. Если это случилось раз, может случиться снова.

Боль и разочарование пришли одновременно, сплетаясь в жгучий клубок. Пора было заканчивать это самоистязание. Я ответил словами пословицы - «за одного битого двух небитых дают», добавив, что выводы он наверняка сделает. Но и Нине надо будет потрудиться – хорошие отношения между людьми требуют постоянной заботы, хоть дома, хоть на работе.

Это последнее усилие окончательно опустошило меня. На душе было одиноко и неуютно. Боль ушла, как будто прогорел костер, и на её месте, как пепел, остались разочарование и досада. А потом меня начал разбирать смех. Получилось как в рассказе О' Генри «Трест, который лопнул». Я сам помог ей сделать выбор не в свою пользу. И в этом смехе звучали и моё разочарование, и в какой-то мере радость за Нину, что вот таким образом разрешились её проблемы. Было понятно, какой выбор она сделала. Дали мои слова лишь толчок, и её решение подсознательно созрело давно - сейчас это не имело значения. Теперь это её дело. Кто-кто, а она человек разумный. Чего я не мог сказать в этот момент о себе.

Она дождалась, когда я отсмеюсь, а потом просто сказала: «Прости, пожалуйста». И было видно, что она искренне сожалеет, что наше знакомство неожиданно пришло к такому концу. Я тоже сожалел, но по другим причинам. А, с другой стороны, понимал, что именно такая развязка, если и не была предreshена, но самое лучшее решение – для нас обоих. Я мог бы попробовать переломить ситуацию в свою пользу, но только зачем? Два билета на одно место в партере продать можно. Но сидеть все равно будет один.

– Да не за что просить прощения. Мне было хорошо с тобой, правда. И пусть у тебя всё сложится нормально. А я не пропаду, ты же знаешь, – Нина, чуть заметно, утвердительно кивнула. Глаза у неё были грустные.

Больше мне не хотелось говорить на эту тему. Хорошего помаленьку. Хватит с меня на сегодня устраивать чужие жизни.

Как будто исчерпав способность изъясняться словами, мои чувства вдруг объединились в протяжные, грустные аккорды «Бесаме Мучо». И стало легче.

Вскоре мы легли спать. Спать было неохота, и мы переговаривались. В один из моментов разговора она сказала: «Ты ведь не студент». О, это интересно!

– Верно. А как ты догадалась?

– В самый первый раз ты оговорился, сказал, что делаешь «своего рода» диплом. Но даже не это главное. Какой-то ты слишком независимый для студента. Студенты так себя не ведут. А ты сам по себе.

– Кто же я тогда, по-твоему? – мне стали любопытны её дедуктивные способности.

– Я думала об этом. На работу каждый день тебе ходить не надо, и спорт для тебя тоже не основное, я же это вижу. Судя по всему, ты аспирант. И я понимаю, почему ты представился первый раз студентом.

– В яблочко! – а что я ещё мог сказать? – Знаешь, Нина, мне кажется, после такого жизненного урока, и слегка подправив некоторые идеалистические представления о жизни, с твоим умом тебе удастся избежать многих ловушек.

– Хорошо бы, – задумчиво ответила она. И мы продолжили разговор.

Часа в три ночи мы наконец уснули.

Спал я беспокойно, скорее дремал. Под утро окончательно проснулся. Светало. Лежа на боку, смотрел в окно, за которым медленно занимался рассвет. Тихо-тихо. На душе было ни хорошо, ни плохо - никак. Дело сделано. Точка. И не о чем тут думать. Эх, зря я остался! Надо было вчера сразу после разговора уйти. Добрался бы как-нибудь. В конце концов, на вокзале бы посидел.

Вдруг утреннюю тишину прорезал истошный вопль с улицы: «Лимитчики! Вставайте!» Лимитчиками называли рабочих, приехавших в Москву обслуживать сибаритствующих москвичей. Их прописывали на ограниченный срок, называлось «по лимиту». Слово носило пренебрежительный оттенок. Меня как подбросило. Я выглянул в окно. Внизу стоял простецкого вида мужик, похоже, подвыпивший. Я посмотрел, можно ли открыть окно, и быстро сообразил, как это сделать. Оконная рама отошла с шуршащим звуком.

Так! Теперь нужен метательный снаряд, и я шарю глазами по комнате. А вот и он! Рванулся к столу, схватил бутылку газировки и, вернувшись к окну, со всей силы запустил её в сторону орущего, чтобы спугнуть его. Она упала совсем близко, на газон, и даже не разбилась, но хорошо его напугала. Мужик аж подпрыгнул от неожиданности. Выругался, и побыстрее ретировался.

Я удивился своему поступку, но, с другой стороны, понимал, почему это сделал - надо было сорвать на ком-то чувство досады. Благородство, оно тоже не беспредельно.

Нина проснулась на шум, и лёжа в Вериной кровати, молча наблюдала за моими военными действиями, приподнявшись на локтях. Пройма ночной рубашки спала, обнажив плавные изгибы шеи и по-девичьи округлое плечо. В душе снова шевельнулась притихшая за ночь досада. «Зря не ушел вчера», - ещё раз пожалел я.

Когда, убедившись, что мужик остался цел и невредим, я закрыл окно и повернулся к ней, голова её уже снова лежала на подушке. Ну и хорошо. Меньше всего мне сейчас хотелось обсуждать свой поступок, с кем бы то ни было.

Я взглянул в окно. Первые красноватые лучи солнца неожиданно пробились между нижней кромкой темных облаков, украшенных понизу багряно-золотистой окаемкой, и ещё мглистым горизонтом, и вскоре северо-восточная часть неба осветилось горячим светом, который струился все дальше и дальше, переливаясь и меняя гамму красок от сине-фиолетового в низинах до нестерпимо блестящего желто-белого, исходящего от быстро поднимающегося светила. Я жадно любовался зарождением дня – восход всегда вселял в меня тихий восторг, в любое время года. «Ну

что ж», - вздохнув, негромко произнес вслух, чтобы хоть что-то сказать и перебить щемящее чувство, невеста откуда поднявшееся в душе. «Роскошная финальная сцена, как на заказ. Все по законам жанра!»

А с вахтой обошлось. Я твёрдыми шагами шёл по коридору, а на меня, сидя в своей конторке, с открытым ртом остолбенело смотрела вахтёрша. Приблизившись, я завозмутился недовольным скандальным голосом: «Какого чёрта вы с утра мне покоя не даёте! Тумблер включить не можете, сразу электрика звать! Сами без рук что ли, на кнопку лень нажать!» – изобразил я из себя электрика на вызове. Не спеша подошёл к вахте, взгромоздил свою спортивную сумку на конторку и навис над вахтёршей: «Короче, мать! Всё сделал. Больше не звоните. По крайней мере, в мою смену». Вахтёрша торопливо, с готовностью, ответила: «Не будем, не будем!»

– Вот так, – тяжело, с чувством, сказал я, для чего мне даже не понадобились актерские способности. Сдёрнув свою сумку с конторки, не спеша сошёл вниз по ступенькам. На улице меня догнала смеющаяся Нина, которая шла сзади и наблюдала всю сцену. Глядя на неё, я тоже невольно заулыбался.

Эпилог

В середине лета зарядила полоса летних дождей. Сырость висела в воздухе. Влага насквозь пропитала поля и леса. Когда ненадолго выглядывало солнце, все начинало парить и благоухать так, что, казалось, эту смесь всевозможных ароматов можно нарезать кусочками.

На базаре в Дедовске ведерки и корзинки с клубникой сменились стаканчиками с ярко-красной малиной и ягодами пахучей чёрной смородины с меленькими, чуть заметными крапинками и длинными засохшими плодоножками. Похоже, в Дедовске других сортов смородины, кроме «Десертной», не признавали. На прилавках появились свежие огурцы - пупырчатые, зеленые с одной стороны и чуть более светлым «брюшком». Соскучившись за зиму по свежим овощам, я налегал на салаты из огурцов, редиски и зеленого лука, сдабривая их постным маслом, а то и просто, разрезав огурец пополам и посолив, натирал половинки друг о дружку, и с удовольствием хрустел ими.

Поздними вечерами, а вернее ночами, я приспособился бегать после своих научных занятий до Павловской Слободы, что возле Истры – взбодриться. Луна иногда светила как сумасшедшая; в такие ночи было видно почти так же далеко, как днем, только в серебристом волнующем лунном свете. Не встретив ни души, я добегал до Истры, смотрел на её струящиеся воды между заросшими берегами, и чувствовал какую-то вневременность и нереальность всего этого странного лета, до предела напоенного и пропитанного влагой дождей. Вся жизнь в такие ночные часы казалась необычной, непостоянной и зыбкой, как лунные тени деревьев, падающие на ночные поляны, в то лето, от обилия влаги, заросшие необыкновенно густой и высокой травой. Потом бежал назад, обычно возвращаясь к себе часам к двум ночи.

Я целиком погрузился в работу. Написание диссертации быстро приближалось к концу. Начал встречаться с будущими оппонентами, с которыми договорился научный руководитель, ездил в разные организации, докладывал о своей работе, быстро убедившись, что в основном народ мало интересуется работами других, да и далеко не каждый способен оценить уровень результатов, не имеющих прямого отношения к его теме. Но три человека - похоже, с более светлыми умами, чем у среднего человека - тем не менее поняли, о чем идет речь, и оценили результаты высоко. А вскоре, глядя на них, и остальные «подтянулись», и постепенно моя фамилия в научных кругах стала произноситься с оттенком уважения. В общем, дела двигались неплохо, и сам я, что называется, «рвал и метал», чтобы приблизить скорое завершение учебы.

Как снег собирается на крыше, чтобы затем разом соскользнуть, так и у Нины события накапливались одно за одним, с тем, чтобы в какой-то момент сразу принести множество

радостных перемен. Серёга ковал железо пока горячо. Нина, раз решив, тоже не откладывала дела в долгий ящик. Где-то через неделю после памятной мне ночи я позвонил, и мы договорились, что я подойду в общежитие. Зачем это сделал, как-то даже не отдавал себе отчета. Просто чувствовал, что надо встретиться последний раз и проститься по-человечески.

Я приехал раньше, чем было намечено. Попросил проходившую мимо девушку зайти в Нинину комнату и позвать её. Но вышла Вера, явно озабоченная. Увидев меня, очень обрадовалась, и едва мы с ней оказались на улице, где неподвижно застыл тёплый, душноватый летний вечер, тут же начала взволнованно говорить.

– Ой, Вы знаете, тут такое, такое! К Нине приезжает её парень, с которым она когда-то дружила! Я почти услышал, как с лёгким хрустальным звоном разбилась последняя капелька надежды, которая, оказывается, всё ещё жила в моей душе. Потёр затылок, и ответил: «Ну, в общем, этого следовало ожидать», – и спокойно посмотрел на Веру.

– Так Вы знаете уже? Что у неё там парень?.. Вера была совершенно сбита с толку.

– Да, знаю. Нина сказала, – у Веры в голове, видать, всё совсем перепуталось.

– А как же *Вы*? Вы же вот с Ниной... Ну тогда, ночью... Я думала, вы поженитесь. Вы так подходите друг другу! А Нина, она очень хорошая! – Вера, видать, говорила всё это больше для себя. Надо было её успокоить.

– Вера! Тогда, ночью, ничего не было.

– Как?! – я даже близко не мог себе представить, что у человека могут так широко открываться глаза.

– Да так. Ты же знаешь, что парни, наоборот, всегда хвастаются, если переспят с девушкой?

– Да-а?! – придвигаясь ко мне, в изумлении выдохнула Вера. Я искренне пожалел, что она скоро лишится Ниной опеки. Ей бы она пригодилась – ещё с год, как минимум.

– Да точно! Зачем мне тебя обманывать? – и мой аргумент подействовал. Вера поверила. Хотя почему-то всегда легче верят вранью, чем когда говоришь правду.

– Какие вы странные с Ниной!

– Да мы-то обыкновенные. Это остальные странные.

Но Вера не обратила внимания на мои слова. Просияв и глядя мимо меня, она махнула рукой в сторону и оповестила, что к нам идет Нина.

Я обернулся. Улыбаясь – видать, заметив нас – она приближалась в нарядном ярком платье. Мы с Верой стояли внизу, на дороге, а она шествовала по тротуару, и это усиливало впечатление.

Хотел бы я знать, для чего природа создает Королев... И знают ли они сами ответ?

Вечером мы бродили по грунтовым дорожкам в ближнем лесу, возле самой кольцевой дороги. Деревья в нем росли редко, как будто в парке. Из-за дождей на лесных тропинках образовались лужи, и нам частенько приходилось обходить их по сырой траве вдоль обочины или петлять по лесу.

Нина рассказала о своих планах. Сейчас на несколько дней приедет Серёжа. Потом, в зависимости от того, как пройдет их встреча после столь долгой разлуки, она съездит с ним в Орёл. Посмотрела на меня – как я отношусь к её новостям. А я нормально их принял – хорошо, что дела у неё устраиваются. Год разлуки для любви немалый срок. Она что-то хотела ещё сказать, но удержалась. И правильно. Говори, не говори, дело сделано. Всё понятно без слов.

Вспомнил, как мы с ней переглянулись, когда оркестр заиграл «Аргентинское танго», и я в одно мгновение распознал родственную душу. Да, встретиться мы с ней вовремя... Эх, Нина Петровна!.. Хорошей мы могли быть парой! Но вот так оно получилось.

На прощание она благодарно прижалась ко мне, я её обнял, и мы так долго стояли, каждый думая о своём. И снова в голове всплыли протяжные, мучающие душу аккорды «Бесаме Мучо», как будто разводя нас в кромешной темноте, которой представлялась в этот момент вся будущая жизнь – и её, и моя.

А потом её рука, от локтя до кончиков пальцев, скользнула в моей ладони. На мгновение наши пальцы сомкнулись, почему-то чуть перехватило горло. Я повернулся и, не оглядываясь, пошел на троллейбусную остановку. С обеих сторон тротуара, сколько хватал глаз, как ковровая дорожка стелился желтый цвет саранок.

Было темно, когда я добрался в Нахабино. На втором этаже, в Володиной комнате, горел свет. Поднявшись на второй этаж, постучал в дверь. Раздался степенный и приветливый Володин голос: «Заходи, товарищ! У нас всегда открыто!»

После радушного Володиного приветствия последовала обычная процедура чаепития, но на сей раз без заварки. Напившись вдоволь кипятка с душистым печеньем «Привет», не вдаваясь в подробности, я поведал Володе, чем в итоге закончилось моё знакомство с Королевой.

Он долго молчал, а потом крутанул головой и, глядя в сторону, на экран телевизора с приглушенным звуком, по которому показывали комбайны, журавлиным клином идущие друг за другом среди бескрайней степи, резюмировал: «Да, Константиныч, неожиданный поворот. Но я так понял, ты сам её отпустил. Добровольно. Я бы не смог, стоял бы до конца. Да... Эх, Нина–Королева!» И мечтательно вздохнул.

– Володь, выходной завтра. Может, с утра на Темирязевские пруды съездим, искупаемся? Там, кстати, песок на маленьком пляже подсыпали, в заливчике, где мы в проруби купались. А потом я на тренировку.

Володя в таких делах долго не раздумывал, и принимал решение сразу. Он поднял кверху указательный палец, и спокойно произнёс:

- Поехали!